
Алесандр
Гарцев
Предательство
18+

Александр Гарцев

Предательство

«Автор»
2026

Гарцев А.

Предательство / А. Гарцев — «Автор», 2026

Виктор Соколов, владелец мебельной фабрики, за один день теряет всё: суд отдаёт коттедж и автомобиль бывшей подруге, братки отбирают бизнес, сын даёт оплеуху и выгоняет из дома, а женщина, которую он содержал, посылает его по телефону. Оказавшись на мосту через Москву-реку, он бросает смартфон в воду, поскальзывается — и падает сам.Три месяца на дне. Три месяца без документов, без денег, без прошлого. Три месяца, чтобы понять: кто ты, когда у тебя ничего нет. И кто ты, когда ты снова всё получишь.Это роман о падении и возрождении. О предательстве и верности. О том, что дно не отпускает — но иногда оно же и спасает. И о том, что самый богатый человек в Москве может оказаться бомжом.А самый свободный — тем, у кого нет ничего, кроме собственной жизни.Жанр: жёсткий социальный триллер с чёрным юмором и мелодраматическими вкраплениями.

© Гарцев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний день 6
Глава 2. Тепловой узел 9
Глава 3. Правила помойки 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Александр Гарцев
Предательство

Александр Гарцев

Бомж

Жанр: жёсткий социальный триллер с чёрным юмором и мелодраматическими вкраплениями.

Для кого: для тех, кто любит «На игле» и «Карты, деньги, два ствола», но хочет увидеть Москву, которую не показывают в новостях. Для тех, кто верит, что даже на дне можно остаться человеком. И для тех, кто знает: иногда, чтобы подняться, нужно сначала упасть.

Глава 1. Последний день

I

Утро началось с запаха её духов — приторно-сладких, как вишнёвый сироп от кашля. Виктор открыл глаза и первым делом увидел на потолке трещину. Тонкую, почти незаметную, но она была. Он смотрел на неё уже месяц — каждое утро, когда просыпался здесь, в квартире Жанны, на Пречистенке. Трещина раздражала. Как и всё остальное в этом утре.

Жанна спала рядом, раскинувшись на шёлковых простынях, — загорелая рука свесилась с кровати, на запястье болтался браслет Cartier, подаренный им на Новый год. Виктор посмотрел на неё секунд десять — на подрагивающие ресницы, на приоткрытый рот с блеском помады, которую она забыла стереть, — и отвернулся.

В голове было пусто и тяжело одновременно. Сегодняшний день он знал по минутам, как приговор. В десять — суд. В двенадцать — офис, где его ждали люди Штыря. Между этими двумя точками — ничего. Просто время, которое нужно перетерпеть.

Он встал, стараясь не скрипнуть паркетом. В ванной, глядя на своё отражение — сорок пять лет, гладко выбритый, с залысинами, которые он тщательно маскировал, — Виктор произнёс вслух:

— Ну что, Соколов. Сегодня всё решится.

Отражение не ответило.

II

Зал суда был маленьким, душным, с жёлтыми стенами и запахом хлорки. Виктор сидел на скамье, сцепив руки, и смотрел на бывшую подругу — Ольгу. Она была в строгом сером костюме, с гладко зачёсанными волосами, без макияжа. Адвокат что-то шептал ей на ухо, она кивала.

Виктор не слушал прения. Он уже знал, чем всё кончится. Ольга подала иск три месяца назад — коттедж в Барвихе, автомобиль PorscheCayenne, «подаренные в период совместного проживания». Его адвокат, молодой и явно неопытный, пытался что-то возражать про «фактические брачные отношения», но судья — усталая женщина с лицом, как у печальной лошади, — смотрела на Виктора с брезгливым интересом.

— Суд постановил, — сказала она, — иск удовлетворить в полном объёме.

Ольга вышла первой, не оборачиваясь. Виктор остался сидеть, глядя на пустое место, где она только что была. Адвокат что-то говорил про апелляцию, про шансы, про...

— Иди, — сказал Виктор. — Я сам.

Он вышел на улицу. Солнце било в глаза. Июнь, жара, Москва плавилась. Он достал телефон — три пропущенных от Жанны. Не перезвонил.

III

Офис фабрики был на Тимирязева — четыре этажа стекла и бетона, вывеска «Соколов и партнёры», которую он повесил десять лет назад с гордостью. Теперь вывеска казалась чужой.

В приёмной сидел незнакомый человек — в чёрной футболке, с короткой стрижкой, с бычьей шеей. Он даже не встал.

— Виктор Андреевич? — спросил он, не отрываясь от телефона. — Проходите. Вас ждут.

В кабинете — его кабинете, с видом на реку, с кожаным креслом, с фотографией дочери на столе — сидел Штырь. Аркадий Ковалёв. Пятьдесят два года, седой ёжик, дорогой костюм, на пальцах — перстни. Он улыбался.

— Витя, — сказал он мягко. — Садись.

Виктор сел. Он знал этот тон. Так Штырь говорил перед тем, как кто-то исчезал.

— Ты мне должен, — сказал Штырь, не переставая улыбаться. — Три миллиона. С процентами — пять. Ты знаешь, я не люблю напоминать.

— Я помню, Аркадий.

— Хорошо, что помнишь. — Штырь достал из папки листы. — Тут вот бумаги. Передача бизнеса. Мебельная фабрика, склад, бренд. Всё, что у тебя есть. Подпиши — и мы в расчёте.

— Я не могу просто так отдать...

Удар был коротким. Виктор даже не увидел, кто его ударил — тот, с бычьей шеей, стоял сзади. Перед глазами вспыхнуло, во рту стало солоно.

— Витя, — Штырь покачал головой. — Я же по-хорошему. Ты думаешь, мне нужна твоя фабрика? Мне нужны мои деньги. А фабрика — это так. Бонус. Подпиши, и разойдёмся.

Виктор посмотрел на бумаги. Потом на Штыря. Потом на окно — река блестела внизу, как расплавленное олово.

Он подписал.

IV

Дочь жила в новой квартире на Мосфильмовской — он купил её год назад, двадцатилетней дурочке, которая училась в Лондоне и приезжала раз в полгода. Лиза. Она не знала, что происходит. Он утром отдал ей ключи — сказал, что едет в командировку, пусть живёт.

Виктор стоял у подъезда двадцать минут. Смотрел на окна — на девятом этаже горел свет. Лиза была дома. Наверное, смотрела сериал или болтала с подружками по видео. Он мог подняться. Мог сказать: «Дочка, у папы проблемы. Можно я поживу немного?»

Не поднялся. Потому что знал: она не поймёт. Она скажет: «Пап, ты чего? Ты же всегда справляешься». И он не сможет объяснить, что на этот раз — не справляется.

Он ушёл.

V

Сын жил на Автозаводской — в двушке, которую Виктор помог купить пять лет назад. Дмитрий открыл дверь сразу, как будто ждал. У него было опухшее лицо, мятая футболка, в квартире пахло жареной картошкой и детьми.

— Пап? — сказал он. — Ты чего?

— Димка, — Виктор попытался улыбнуться. — Пусти переночевать. У меня... проблемы.

Дмитрий молчал. Потом его лицо перекосилось.

— Проблемы? — переспросил он. — У тебя проблемы? А у меня, по-твоему, что? Мне на работе повышение не дали. Потому что я — сын того самого Соколова, который всех кинул. Ты знаешь, что про тебя говорят? Что ты братков кинул. Что тебя ищут.

— Димка...

— Не называй меня так! — Дмитрий повысил голос. Из комнаты выглянула жена — испуганная, с ребёнком на руках. — Ты всю жизнь меня не замечал! Ты Жанне своей машины дарил, а мне на свадьбу денег не дал! А теперь пришёл? Переночевать?

— Димка, я на улице...

Удар был несильным, но хлёстким — пощёчина. Виктор отшатнулся, схватился за перила. Дмитрий стоял в дверях, тяжело дыша.

— Уходи, — сказал он. — Уходи, пап. Я тебя не знаю.

Дверь захлопнулась.

VI

Мост через Москву-реку — Бородинский, с видом на Белый дом. Виктор стоял у перил, смотрел на воду. Внизу шли катера, кто-то катался на лодке. Обычная жизнь.

Он достал телефон. Набрал Жанну. Гудки — длинные, как приговор. Наконец, ответ.

— Витенька? — её голос был быстрым, деловым. — Ты где? Я тебе звонила.

— Жанна. Мне нужно... — он запнулся. — Мне нужно где-то переночевать. Я сейчас...

— Витя, — перебила она. — Я всё знаю. Мне уже сказали. Про суд, про Штыря. Про то, что ты теперь никто.

— Жанна...

— Ты меня послушай, солнышко. — Её голос стал ласковым, и от этой ласки у Виктора по спине побежал холодок. — Я не могу. Понимаешь? У меня своя жизнь. Я молодая, я хочу ещё... В общем. Не звони мне больше.

— Жанна, я...

— Прощай, Витя. И... не ищи меня.

Короткие гудки.

Виктор смотрел на телефон. На экране — фотография: они с Жанной на Мальдивах, оба загорелые, счастливые, она смеётся.

Он размахнулся и бросил телефон через перила. Смартфон описал дугу — чёрную, блестящую на солнце — и исчез в воде. Без всплеска. Просто не стало.

Виктор перевёл дыхание. И вдруг понял: он стоит на мокром от брызг камне. Ноги поехали. Он попытался схватиться за перила — пальцы скользнули по металлу. И мир перевернулся.

Вода была холодной. Такой холодной, что перехватило дыхание. Виктор ушёл под воду с головой, хлебнул, вынырнул, попытался крикнуть — но получилось только бульканье. Течение тянуло вниз, к опорам моста. Он не умел хорошо плавать. Никогда не умел.

«Вот и всё, — подумал он спокойно, почти равнодушно. — Вот и всё».

И тут чья-то рука схватила его за воротник.

VII

— Держись, барин. Держись.

Голос был хриплый, прокуренный. Виктор почувствовал, как его тащат, как волокут по камням, как вытаскивают на бетонный парапет. Он лежал на спине, кашлял, выплёвывал воду, а над ним склонилось лицо — бородатое, в грязной шапке, с глазами, как у старого пса.

— Ну ты даёшь, — сказал бомж. — Прямо в реку. Я уж думал, всё. Ан нет — выплыл. Ты, парень, видно, не простой. Судьба у тебя, значит, ещё есть.

Виктор посмотрел на него. Потом на небо — высокое, июньское, с редкими облаками. Потом опять на бомжа.

— Кто вы? — прохрипел он.

— Василий, — ответил тот просто. — Старшина. Пошли, барин. У меня суп есть. Горячий.

И он протянул Виктору руку.

Виктор схватился за неё. Рука была грязной, мозолистой, но тёплой.

Глава 2. Тепловой узел

I

Он очнулся от того, что кто-то совал ему в рот ложку.

Первое, что Виктор увидел, — низкий потолок, покрытый каплями конденсата. Капли дрожали, набухали и срывались вниз, в темноту. Пахло сыростью, ржавчиной и — странно — горячим хлебом.

— Ешь, барин. Не брезгуй.

Ложка ткнулась в губы. Виктор попытался отстраниться, но тело не слушалось — он лежал на чём-то мягком, вроде матраса, укрытый курткой, и всё, что он мог, — это повернуть голову.

Василий сидел рядом на перевёрнутом ящике. В руке — алюминиевая миска, из которой шёл пар. Суп. С куском хлеба сверху.

— Где я? — голос у Виктора был чужой, сиплый.

— У меня, — сказал Василий. — Тепловой узел. Тимирязева, у переезда. Не боись, тут тепло. Даже зимой. Труба горячая.

Виктор обвёл глазами помещение. Это было подземелье — бетонный мешок метров в двадцать, с трубами по стенам, с тусклой лампочкой под потолком, с кучей тряпья в углу. В другом углу — картонные коробки, аккуратно сложенные, ящики, старый чемодан на верёвке. У дальней стены — что-то вроде печки из кирпичей, над ней — закопчённая кастрюля.

— Сколько я тут?

— С ночи. Как вытащил тебя, так и привёл. Ты не приходил в себя. Думал, всё — отдашь концы. Ан нет. Живучий.

Виктор попытался сесть. Голова закружилась, к горлу подкатила тошнота. Он схватился за трубу — та была горячей, обжигала ладонь.

— Осторожно, — сказал Василий без назидания. — Она горячая. Всегда. Даже в жару. Это теплотрасса. Тут город греется. И мы греемся.

— Я... — Виктор посмотрел на свои руки. Они были грязными, в ссадинах. — Мне нужно позвонить.

— Телефон-то ты утопил. Помнишь?

Виктор помнил. Помнил всё — суд, Штыря, пощёчину Дмитрия, голос Жанны. Помнил холод воды. И то, как эта рука — грязная, мозолистая — вытащила его.

— Спасибо, — сказал он. Слово вышло деревянным.

— Не за что, — Василий пожал плечами. — Ешь давай. Суп остынет.

II

Суп был из пакета — вермишель, картошка, какие-то разваренные овощи. Но Виктор ел так, как не ел, кажется, никогда в жизни. Ложка за ложкой, не чувствуя вкуса, только тепло. Когда миска опустела, он откинулся на матрас и закрыл глаза.

— Ну вот, — сказал Василий. — Другое дело.

В этот момент в дальнем углу зашевелилось тряпьё. Виктор вздрогнул — он думал, что там никого нет. Из кучи поднялся парень — молодой, лет тридцати, с длинными сальными волосами и лицом, на котором застыло выражение обиды.

— Старшина, — сказал он. — Ты чего? Мы так не договаривались.

— Егор, — спокойно ответил Василий. — У нас гость.

— Гость? — Егор уставился на Виктора. — Это что, бомж? В костюме? Он же... он же чистый.

— Он в реку упал. Я вытащил.

— Ну и что? — Егор подошёл ближе, навис над матрасом. — Ты его знаешь? Кто он такой? Может, он мент. Может, он из этих, которые бомжей гоняют. Ты подумал?

— Он в костюме упал в реку, — повторил Василий терпеливо. — Менты в реку не падают. Менты нас в реку бросают.

— А я говорю — не нужен он тут! — Егор повысил голос. — У нас еды на троих. На четверых не хватит. У нас...

— Егор.

Голос был тихий, но Егор сразу замолчал. Василий смотрел на него без злости, без раздражения — просто смотрел.

— Ты когда последний раз ел? — спросил он.

— Вчера.

— Врёшь. Сегодня утром. Тебе Нинка принесла хлеб. Ты с ней поделился?

Егор потупился.

— То-то, — сказал Василий. — А теперь иди. Дай человеку отдохнуть.

Егор отошёл, что-то бормоча себе под нос. Виктор слышал только «костюм», «чистенький» и «выкинем».

III

Следующие часы прошли как в тумане. Виктор то проваливался в сон, то выныривал. В один из таких моментов в тепловой узел пришла женщина — лет сорока, полная, с усталым лицом и добрыми глазами. Она принесла сумку с продуктами — хлеб, молоко в бутылке, какие-то консервы.

— Это Нинка, — сказал Василий. — Мать.

— Не мать я ему, — отозвалась женщина. — Я всем мать. — Она посмотрела на Виктора. — Ты как? Голова кружится?

— Немного.

— Это от воды. Холодная. И от удара. — Она присела рядом, потрогала его лоб. Рука была прохладной, пахла мылом. — Не горячий. Хорошо. Я тебе отвар сделаю. Из трав. У меня есть.

— Спасибо, — сказал Виктор. — Я... у меня нет денег.

— Денег у нас ни у кого нет, — усмехнулась Нинка. — Ты не переживай. Выкарабкаешься — сочтёмся.

Виктор смотрел, как она хлопочет у печки, как достаёт откуда-то пучки сушёной травы, как ставит воду. Он не понимал этих людей. Они не знали его. Он им не был никем. Зачем?

— Почему вы мне помогаете? — спросил он вслух.

Нинка обернулась.

— А почему нет? — сказала она просто.

IV

Ближе к вечеру появился четвёртый. Виктор не заметил, как он вошёл, — просто в какой-то момент в углу, у стены, сидел человек. Худой, с длинными пальцами, в очках с треснувшим стеклом. Он молчал и смотрел на Виктора в упор.

— Это Кирилл, — сказал Василий. — Призрак. Появляется, когда хочет. Уходит, когда хочет. Ты не бойся. Он не кусается.

Кирилл не отреагировал. Он смотрел на Виктора ещё секунд десять, потом сказал — тихо, ровно:

— Виктор Андреевич Соколов. Сорок пять лет. Мебельная фабрика на Тимирязева. Владелец. — Пауза. — Бывший.

Виктор напрягся.

— Откуда вы...

— Читаю газеты, — сказал Кирилл. — В газетах пишут.

— В каких газетах?

— В разных. — Кирилл отвернулся. — Штырь тебя ищет. Полиция тоже. Бумаги подписал — значит, теперь ты мошенник. С точки зрения закона. — Он замолчал. Потом добавил, не поворачиваясь: — Я не советую тебе возвращаться.

В тепловом узле стало очень тихо. Даже Егор перестал шебуршать в своём углу.

V

Ночью Виктор лежал без сна. Трубы гудели — низко, протяжно, как огромный спящий зверь. Он смотрел на каплю, которая набухала на потолке, и думал о том, что ещё вчера спал на шёлковых простынях, а сегодня — на матрасе, который пахнет мышами.

Он думал о Дмитрии. О пощёчине. О лице сына — перекошенном, злом, испуганном. Он думал о Жанне. О её голосе — ласковом, деловом, чужом. О Лизе, которая до сих пор не знает, что отец упал с моста.

Он думал о том, что завтра нужно что-то делать. Идти в полицию? К адвокату? К кому-то из старых друзей? Но все старые друзья были друзьями Штыря. Или Стрельцова, который, как теперь понял Виктор, давно уже продался.

А потом он подумал: а куда идти? Документов нет. Денег нет. Телефона нет. Он смотрел в темноту и чувствовал, как внутри поднимается паника — холодная, липкая, как вода в реке.

— Не спишь? — раздался голос Василия.

— Нет.

Василий подошёл, сел рядом. В темноте его лицо было почти неразличимо — только глаза.

— Думаешь, как жить дальше?

— Думаю.

— И что надумал?

Виктор помолчал. Потом сказал честно:

— Ничего. Я не знаю, что делать.

Василий кивнул, как будто ждал этого ответа.

— Поживи, — сказал он. — Посмотри. Потом решай.

— У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда, барин. Даже когда кажется, что нет. — Василий помолчал. — Завтра Егор будет бунтовать. Он у нас такой. Молодой волк. Ты не обижайся на него. Он не злой. Просто боится.

— Чего?

— Того же, что и все. Что его выгонят. Что он не нужен. — Василий вздохнул. — Он у нас тут второй год. Жена выгнала. Работу потерял. Он думает, что теперь он никто. А он не никто. Он просто... заблудился.

Виктор повернул голову.

— А вы? Вы кто?

Василий улыбнулся в темноте. Виктор не увидел, но почувствовал — улыбку.

— Я старшина, — сказал он. — Я тут всех строю. Спи давай, барин. Утром будет день. И он будет длинным.

VI

Утром Егор действительно устроил бунт.

Он стоял посреди теплового узла, скрестив руки, и говорил громко, чтобы все слышали:

— Я не буду его кормить. Он не из наших. Он костюм. Он нас за людей не считает.

— Егор, — сказала Нинка устало. — Уймись.

— Нет! — Егор ткнул пальцем в Виктора. — Ты думаешь, он тут останется? Он же сбежит при первой возможности. Он нас сдаст. Он...

Виктор встал. Медленно, держась за трубу. Голова ещё кружилась, но он стоял.

— Я не сбегу, — сказал он тихо.

— Да? — Егор шагнул к нему. — И что ты тут делать будешь? Суп варить? Или бутылки собирать? Ты хоть раз в жизни бутылку сдавал?

— Нет.

— То-то! — Егор торжествующе обернулся к Василию. — Вот! Он даже не знает, как бутылку сдать!

— Научишь, — сказал Василий спокойно.

Егор поперхнулся.

— Что?

— Научишь. Ты же у нас логист. Вот и оптимизируешь процесс. — Василий поднялся со своего ящика. — Всё. Хватит. Ты, Егор, идёшь за хлебом. Ты, Нинка, — за молоком. Кирилл... — Он оглянулся. Кирилла в углу не было. — Ладно. Кирилл сам знает, что делать. А мы с Виктором пойдём учиться бутылки собирать.

Егор открыл рот. Потом закрыл. Потом посмотрел на Виктора — с ненавистью, но и с чем-то ещё. С недоумением.

— Ладно, — сказал он. — Но если он нас сдаст...

— Не сдаст, — сказал Василий.

Он сказал это так уверенно, что Виктор сам почти поверил.

VII

Они вышли на поверхность через люк в промзоне. Солнце ударило в глаза — яркое, беспощадное. Виктор зажмурился.

— Привыкай, — сказал Василий. — Тут всегда так. — Он протянул Виктору мешок. — Держи. Собираем пластик. Бутылки, канистры, всё, что гнётся. Потом сдадим. За это платят.

Виктор взял мешок. Он был грязный, в каких-то пятнах, и пах так, что хотелось выбросить его сразу.

— И это теперь моя жизнь? — спросил он.

— Это теперь твоя работа, — поправил Василий. — Жизнь — она шире. Пошли.

Они шли вдоль забора, вдоль свалки, вдоль гаражей. Виктор смотрел на свои руки — чистые когда-то, с маникюром, — и видел, как под ногти забивается грязь. Он думал о том, что ещё вчера у него был бизнес, коттедж, машина. А сегодня — мешок для бутылок.

И вдруг он понял, что не чувствует боли. Ни злости, ни отчаяния. Только странное, почти пугающее спокойствие. Как будто всё, что случилось, — это не с ним. Как будто он смотрит кино.

— Василий, — позвал он.

— Чего?

— А что дальше?

Василий остановился. Посмотрел на него — серьёзно, без улыбки.

— Дальше — день, — сказал он. — Потом ещё один. Потом ещё. А потом ты сам решишь, что делать. Только не торопись. Торопливые тут долго не живут.

Он повернулся и пошёл дальше. Виктор постоял секунду — и пошёл за ним.

Глава 3. Правила помойки

I

Июнь в Москве — это не лето. Это парник под крышкой из раскалённого асфальта, где воздух густеет к полудню до состояния киселя и пахнет так, что хочется дышать через тряпку. Третьего числа, когда Виктор вышел из теплового узла в третий раз в своей новой жизни, солнце висело прямо над трубой котельной — белое, злое, без тени. Тени вообще не было. Был только бетон, забор из ржавой сетки, кучи мусора и вонь — сладковатая, тяжёлая, с нотами гниющей картошки и машинного масла.

— Дыши ртом, — сказал Василий, не оборачиваясь. — Носом нельзя. Носом ты сейчас всё поймёшь про этот мир, а тебе ещё рано.

Виктор попробовал дышать ртом. Легче не стало.

Они шли вдоль промзоны — мимо гаражей с облупленными воротами, мимо бетонного забора, на котором кто-то баллончиком написал «СОБАКИ», мимо лужи, в которой плавала мёртвая ворона. Виктор старался не смотреть на ворону. Ворона смотрела на него.

— Первое правило, — сказал Василий. — Не смотри в глаза. Никому. Ни бомжам, ни ментам, ни собакам. Собаки чуют страх, менты — вину, бомжи — слабость. Будешь смотреть в землю — никто не тронет.

— Я не боюсь, — сказал Виктор.

— Ага. — Василий усмехнулся. — И ворона на тебя не смотрит.

II

Первая помойка была у «Пятёрочки» — три контейнера, доверху набитых картонными коробками, пакетами, чем-то бурым, что когда-то было едой. Виктор остановился в двух шагах. Пахло так, что глаза заслезились.

— Что стоишь? — сказал Василий. — Полезай.

— Туда?

— Туда.

— Я туда не полезу.

— Тогда ты сегодня не поешь.

Виктор посмотрел на контейнер. Потом на Василия. Потом опять на контейнер. Внутри что-то шевелилось — то ли крыса, то ли пакет от ветра.

— Я лучше... — начал он.

— Лучше — это когда у тебя есть выбор, — перебил Василий. — У тебя его нет. Полезай.

Виктор полез. Медленно, брезгливо, стараясь не касаться стенок. Внутри было темно и душно. Он нащупал пакет — мягкий, с чем-то круглым внутри. Вытащил. Йогурт. Просроченный на два дня, но запечатанный.

— Вот, — сказал Василий. — Уже не зря залез. Дальше. Ищи хлеб. Хлеб всегда сверху. Его первым берут, но и первым выбрасывают. Смотри, чтобы не плесень. Плесень — это смерть.

— Смерть?

— Не буквально. Но живот скрутит так, что проклянёшь всё. — Василий присел на корточки рядом. — И запомни: не жри из чужой миски, но и свою не отдавай. Это второе правило.

— А первое?

— Первое — не смотри в глаза. Я же сказал.

III

К вечеру третьего дня Виктор знал уже семь правил.

Правило первое: не смотри в глаза.

Правило второе: не жри из чужой миски, но и свою не отдавай.

Правило третье: хлеб бери первым. Хлеб — это жизнь. Если хлеба нет — бери крупу. Если крупы нет — бери то, что не пахнет.

Правило четвёртое: не трогай собак. Собака — это не друг. Собака — это конкурент. У неё зубы, у тебя — ничего.

Правило пятое: не спорь с ментами. Улыбайся. Говори «ваше благородие». Они это любят. Они не любят, когда им перечат.

Правило шестое: если видишь, что кто-то из своих попал в беду — помогай. Своих не сдают. Своих не бросают. Это не правило даже. Это закон.

Правило седьмое: не жалей себя. Жалость — это роскошь. Роскошь — это для богатых. Ты не богатый.

— А как же восьмое? — спросил Виктор.

— Восьмого нет, — сказал Василий. — Восьмое ты сам придумаешь. Когда поймёшь, что тебе важнее всего.

IV

Четвёртый день начался с драки.

Виктор нашёл бутылку — не пластиковую, а стеклянную, тёмно-зелёную, из-под шампанского. Такие принимали дороже. Он нёс её в мешке, аккуратно, как реликвию, и уже представлял, как сдаст её и купит хлеба. Не себе — Нинке. Она вчера опять отдала ему свой ужин.

Егор появился из-за гаража, как чёрт из табакерки. Молча подошёл, молча выхватил мешок.

— Э, — сказал Виктор. — Ты чего?

— Ничего, — Егор заглянул в мешок, вытащил бутылку. — Это моя.

— Она не твоя. Я её нашёл.

— А земля, на которой ты её нашёл, — моя. Всё, что на моей земле, — моё. — Егор усмехнулся. — Ты тут неделю. Ты никто. Ты костюм. Тебе тут не место.

Виктор смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается что-то старое, забытое. Не страх. Злость. Ту самую злость, с которой он когда-то разбирался с конкурентами, с которой подписывал договоры, с которой смотрел в глаза Штырю.

— Отдай, — сказал он тихо.

— Не отдам.

Виктор шагнул вперёд и схватил Егора за ворот. Тот не ожидал — глаза округлились. Виктор дёрнул — Егор пошатнулся, выронил бутылку. Она упала на бетон и разбилась. Зелёные осколки брызнули в стороны, как бисер.

— Ты! — заорал Егор. — Ты что, сдурел?

Он замахнулся. Виктор перехватил руку — неловко, но крепко. Они сцепились, пыхтя и матерясь, как два пса. Виктор был сильнее, но Егор — злее. Он извернулся, ударил Виктора в живот, тот согнулся, и Егор тут же оказался сверху, придавил к бетону.

— Всё, — прошипел он. — Всё, костюм. Ты допрыгался.

— Егор.

Голос Василия был ровным, как асфальт. Он стоял в трёх шагах, руки в карманах, и смотрел на них без всякого выражения.

— Слезь.

Егор не сразу, но слез. Отряхнулся, сплюнул.

— Он первый начал. Он меня за ворот схватил.

— Я видел, — сказал Василий. — Виктор первый начал. А ты, Егор, первый отобрал. Так что вы оба хороши. — Он подошёл, посмотрел на осколки. — Бутылку жалко. Хорошая была.

Виктор поднялся, держась за живот. Внутри всё ныло. Егор стоял напротив, тяжело дыша.

— Ты знаешь, что он сделал? — сказал Егор, тыча в Виктора пальцем. — Он мне ворот порвал! Куртку порвал! Она денег стоит!

— Она и так рваная была, — сказал Василий.

Егор открыл рот. Потом закрыл. Потом посмотрел на свою куртку — действительно рваную, не Виктором, а жизнью.

— Ладно, — сказал он. — Но если он ещё раз...

— Не будет, — сказал Василий. — Ни он, ни ты. — Он посмотрел на Виктора. — Ты усвоил второе правило?

— Не жри из чужой миски, но и свою не отдавай.

— Усвоил. — Василий повернулся к Егору. — А ты?

Егор молчал. Потом буркнул:

— Усвоил.

— Вот и хорошо. — Василий достал из кармана ещё одну бутылку — точно такую же, зелёную. — Держи, Виктор. Я нашёл. Пока вы тут дрались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.